

повременить, так как писать «стоит только то, что является действительно достоверным» (см. с. 168, 172). Все это располагает в пользу достоверности известий о событиях в России, содержащихся в ливонских и ганзейских источниках, хотя в отдельных случаях они, конечно, не были точными. Произведенное нами сопоставление известий ливонских и ганзейских источников с данными русских подтверждает также значение переписки орденских чинов и ганзейских городов как нового источника по внутриполитической истории России конца XV—начала XVI в.

**Т. И. ОСЬМИНСКИЙ, В. М. РОМАНОВСКИЙ,
А. Л. ШАПИРО**

НОВГОРОДСКИЕ ОБЫСКНЫЕ КНИГИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVI в.

При поземельных конфликтах, которые нередко возникали в XVI в., для разбирательства на места выезжали специальные должностные лица. Они привлекали в качестве свидетелей «обыскных людей» — священников, детей боярских, старост, целовальников, сотских, пятидесятских, десятских и рядовых крестьян — и на основании их показаний, а иногда и личного дозора составляли обыскные книги. При отделе (раздаче) поместий тоже производились обыски, чтобы выяснить, не находится ли отделяемая земля во владении других помещиков. Эти обыски охватывали отдельные поместья и содержат поэтому сравнительно ограниченную и разрозненную информацию.¹

Значительно больший интерес представляют обыски, охватывавшие группы погостов, уезды и даже целые пятины в 1560—1570-е годы. В 1564 г. правительство предприняло такие обыски в Бежецкой и в Водской пятинах. Выборный голова Посник Паюсов «с товарищи» ездил по погостам и «выспрашивал и обыскивал про царевы государевы великого князя про пустые деревни и про помещиковы... и про всякие угодыя, и хто царевыми и великого князя деревнями не завладел ли, и земель к своим землям не припустил ли».²

Посник Паюсов привлекал при расследовании большое количество местных жителей. Священники и дьяконы свидетельствовали «по священству», а старосты, целовальники, сотские, пятидесятские, десятские и крестьяне — «по крестному целованию».

¹ Некоторые дозоры по содержанию и формуляру совпадают с обысками.

² Самоквасов Д. Я. Архивный материал. Новооткрытые документы поместно-вотчинных учреждений Московского царства, т. II, ч. II. М., 1909, с. 1—24.

По свидетельству опубликованных Д. Я. Самоквасовым обысков 1564 г., запустевшими «царевыми великого князя деревнями не владеет никто».

В 1565 и в 1567—1568 гг. в ряде поместий Бежецкой пятины производились новые обыски. Они были вызваны доносами детей боярских Бориса и Захара Лаптевых и Ивана и Левки Мусорских. Эти обыски не были опубликованы Д. Я. Самоквасовым и впервые введены в научный оборот во втором томе «Аграрной истории северо-запада России XVI века». Обыску и описанию подверглись 32 поместья Тверской половины пятины, насчитывавших свыше 1500 дворов.³ Сопоставление этих обыскных книг с данными письма 1540-х и начала 1550-х годов позволило Г. В. Абрамовичу говорить о том, что в ряде районов до самого конца 1560-х годов наблюдался прирост населения.⁴ Но удельный вес крестьянства и здесь несколько снижался за счет увеличения процента холопского и бобыльского населения. Наряду с вопросом о движении и составе населения обыскные книги 1560-х годов освещают и вопросы динамики поместного землевладения и господской запашки.

В начале 1570-х годов правительство предприняло сплошной обыск пустых земель в новгородских пятинах. До нас дошли части обыскных книг Обонежской, Шелонской и Бежецкой пятин и значительных территорий Водской и Деревской пятин. По своему составу и методам составления эти обыскные книги близки и обыскам Посника Паюсова 1564 г. По государеву слову и по наказу государевых дьяков Семена Мишурина и Ивана Собакина по погостам ездили выборные головы и выборные целовальники и собирали сведения о пустых деревнях, о времени и причинах их запустения, о рыбных, охотничьих угодьях и мельницах. Необходимо было выяснить, нет ли «обводных от писцов», т. е. пропущенных в писцовых книгах, сел и деревень и не пользуются ли пустошами «князья и дети боярские и иные какие люди».⁵

При обысках большое внимание уделялось бобылям. В преамбулах к обыскным книгам всех погостов Деревской пятины наряду с задачей розыска пустых селений и беж требовалось «обыскивать» «про бобыли, которые с крестьянской пашни сходили и от чего и от кого и сколь давно», или обыскивать «крестьян с тяглых беж, за кого в бобыли выходили, избываючи государевых податей».⁶

В Ивановском окологородье Шелонской пятины выборные головы должны были при обыске выяснить у местных жителей: «... которые у вас лучшие люди и средние, с беж в бобыли лю-

³ ЦГАДА, ф. 137, Новгород, № 4, л. 240—747.

⁴ Аграрная история северо-запада России XVI века. Л., 1974, с. 190.

⁵ ЦГАДА, ф. 1209, № 16929, л. 138—139.

⁶ Там же, ф. 137, № 117, л. 252, 734.

дей сводили ль, избываючи государевых податей, и где которые люди в бобылях у вас за кем есть ли; и кто тех людей животами владеет ли».⁷

Такая постановка задач обыска свидетельствует о сильной тревоге правительства в связи с ростом числа бобылей за счет крестьян, уходивших с тяглых обож.

Обыскные документы проливают некоторый свет и на судьбу волостной общины. Прежние свободные волости давно исчезли в Деревской и большинстве других пятин. Их территории были розданы помещикам или другим феодальным владельцам, но волостная община была еще жива. При обысках неизменно участвовали выборные волостные лица: старосты, сотские, пятидесятские и десятские, которые нередко назывались крестьянами местных помещиков или монастырей. Так, в Михайловском погосте Деревской пятины волостным старостой был крестьянин помещика Базарова Солох Фофанов.⁸ Выборные одной и той же волостной общины могли принадлежать разным помещикам (староста — одному, сотский — другому, пятидесятский — третьему и т. д.).⁹

Обыскные книги не дают возможности полно очертить круг обязанностей волости, состоявшей из нескольких поместий. Но они свидетельствуют о том, что мирские власти здесь не только участвовали в обысках, но и разрубали государственные повинности. Так, в книге Деревской пятины отмечаются случаи, когда «обжи запустели от волостных разубов».¹⁰ В XVII в. такие разубы миром повинностей между крестьянами разных поместий уже исчезают.¹¹

Впервые выдержку из обыскной книги 1573 г. Ореховского присуда Водской пятины¹² опубликовал П. Г. Бутков в 1836 г. Это был обыск Спасского Городенского погоста, т. е. местности, на которой в начале XVIII в. строился Петербург.¹³ Отрывок этот затем использовался исследователями предьстории столицы на Неве.¹⁴ Обыскную книгу Ореховского присуда изучал историк Новгородской земли А. Г. Ильинский. Но рано погибший иссле-

⁷ Там же, ф. 1209, № 16931.

⁸ Там же, ф. 137, № 117, л. 252.

⁹ Так, в Листовском погосте Деревской пятины староста и пятидесятский были крестьянами помещика Ф. Тараканова, сотский — крестьянином помещика Ф. Топоркова, а волостные люди, привлеченные к обыску, — крестьянами Г. Тараканова, Ф. Топоркова, Пуляева, Шувалова, Лошакова, Корина и Ивкова (ЦГАДА, ф. 137, № 117, л. 388; см. также л. 252, 322, 365, 414, 464, 471 и др.).

¹⁰ Там же, л. 485—486 об., 726.

¹¹ Веселовский С. Б. Сошное письмо, т. II. М., 1916, с. 187.

¹² ЦГАДА, ф. 1209, № 16931.

¹³ Бутков П. Г. О состоянии местностей Санкт-Петербургских в XVI в. — ЖМВД, 1836, № 6, с. 391—425.

¹⁴ См., например: Немиров Г. А. Петербург до его основания. СПб., 1888.

дователь не довел свою работу до конца, и она публиковалась частями уже после его смерти.¹⁵

Лишь через 75 лет после П. Г. Буткова была предпринята дальнейшая публикация обыскных книг. Среди ценнейших документов XVI в., опубликованных в «Архивном материале» Д. Я. Самоквасова, почетное место заняли и эти книги. Во втором томе «Архивного материала» мы находим целый ряд обысков 1560-х годов по Бежецкой и Водской пятинам, пространную обыскную книгу Кирьяжского погоста Водской пятины 1571 г., обыски поместий Водской, Обонежской, Шелонской и Бежецкой пятин 1573 г. и целый ряд обысков 1580—1600 гг.¹⁶

Как и другие источники, обыскные книги печатались Д. Я. Самоквасовым выборочно, и все же их публикация вскоре привлекла к себе внимание исследователей и стала использоваться сначала для изучения истории экономического кризиса второй половины XVI в., а затем и истории опричнины.

В дореволюционные годы внимание обыскным книгам уделил Н. Ф. Яницкий,¹⁷ причем, кроме публикаций Д. Я. Самоквасова и П. Г. Буткова, он привлек отдельные неопубликованные обыскные книги. В 1933 г. обыски, опубликованные Д. Я. Самоквасовым, и прежде всего обыск чернослопного Кирьяжского погоста Водской пятины 1571 г., были использованы И. И. Смирновым и послужили обоснованием его понимания опричнины как проявления острой борьбы классов, «начинавшей принимать форму открытой гражданской войны».¹⁸ Обыскные книги Д. Я. Самоквасова использовали в специальных исследованиях опричнины А. А. Зимин и Р. Г. Скрынников.¹⁹

Данные о причинах запустения в Кирьяжском погосте, приведенные в обыскной книге, Р. Г. Скрынников свел в таблицу и пришел к выводу о незначительном влиянии, оказанном опричниной на процесс упадка и разорения кирьяжских черных общин.

Как видим, в поздних дореволюционных (Н. Ф. Яницкий) и в советских (Р. Г. Скрынников) исследованиях наблюдается переход от использования обыскных книг как материала, иллюстрирующего то или иное положение автора о кризисе или опричнине, к статистической обработке заключающихся в этих книгах данных. Но такой подход сразу показал недостаточность выборочной

¹⁵ Касающийся нашей темы отрывок был опубликован в «Историческом обозрении» (СПб., 1897, т. IX, с. 235).

¹⁶ Самоквасов Д. Я. Архивный материал..., т. II, ч. II, с. 1—158, 223—246, 431—460.

¹⁷ Яницкий Н. Экономический кризис в Новгородской области XVI в. Киев, 1915.

¹⁸ Смирнов И. И. Классовые противоречия в феодальной деревне в России в конце XVI в. — Проблемы истории материальной культуры, 1933, № 5—6, с. 64.

¹⁹ Зимин А. А. Опричнина Ивана Грозного. М., 1969, с. 419—421; Скрынников Р. Г. Опричный террор. Л., 1969, с. 71—76.

публикации П. Г. Буткова и Д. Я. Самоквасова и необходимость изучения книг целиком. В процессе работы над «Аграрной историей северо-запада России XVI века» авторы этого коллективного труда обнаружили, что хранящиеся в ЦГАДА обыскные книги недостаточно представлены в «Архивном материале» Д. Я. Самоквасова. Это особенно относится к двум книгам начала 1570-х годов по Водской и Деревской пятинам. Если первая была, хотя бы частично, введена в научный оборот, то вторая вовсе осталась вне внимания исследователей прежде всего потому, что она числилась в архиве не по Новгороду, а по Устюгу.²⁰ Между тем это самая полная из дошедших до нас обыскных книг.

Остановимся на этих наиболее полных книгах. В книге по Водской пятине насчитывается 262 листа, на которых описаны почти все погосты Ореховского и Ладожского уездов (кроме двух), 7 погостов Новгородского (из 25) и 1 погост Корельского уездов.²¹

Книга по Деревской пятине также неполна. У нее нет ни начала, ни конца. Она начинается с л. 251 и обрывается на л. 792. В сохранившейся части содержатся материалы по 40 погостам (из 62) Деревской пятины и тоже имеется много обрывов, пробелов и путаницы.²²

Пятина делилась на две половины приблизительно прямой линией с ее северо-западного угла к юго-восточному. В первой половине (она именовалась половиной письма Григория Яковлевича Морозова по имени писца 1530—1540-х годов) обыск производил выборный голова денежного сбора половины Деревской пятины сын боярский Григорий Иванов сын Плещеев с выборными целовальниками. Во второй половине (письма Жихоря

²⁰ ЦГАДА, ф. 137, Устюг, № 117. — В описи архива эта книга озаглавлена так: «Обыскные книги запустелых от опричнины и от мора селений и земель Деревской пятины Новгородского уезду».

²¹ Там же, ф. 1209, № 16929. — Для удобства исследователей, которые обратятся к книге, отметим, что на первых 19 листах описывается Михайловский Сакульский погост Корельского уезда. Затем следует описание трех погостов Ореховского уезда, причем после л. 69 об. описание Дудоровского Введенского погоста этого уезда внезапно сменяется описанием семи погостов Новгородского уезда. Описания этих погостов часто не имеют ни начала, ни конца. С л. 138 по л. 160 дается вторичное, на сей раз полное, описание Дудоровского Введенского погоста (Ореховского уезда). За ним следует перепись посада г. Ладоги и погостов Ладожского уезда, кроме Климецкого погоста. В заключительной части книги — с л. 214 по л. 262 — приведено описание остальных погостов Ореховского уезда, за исключением Никольского Ижерского погоста.

²² Там же, ф. 137, № 117. — Описания одних погостов не имеют начала, других — конца. На л. 279 стоит начало обыска Холмского погоста, затем он прерывается и переходит в обыск Жабенского погоста, и на л. 289 об. дан его итог. У первого нет конца, у второго — начала. На л. 475—502 перемешаны листы обысков Сеглинского и Михайловского погостов; первый — без конца, второй — без начала. То же произошло с погостами Локотским и Влажинским, перепись которых содержится на л. 608—634.

Рябчикова, описавшего ее в 1530—1540-х годах) ту же роль выполнял выборный голова денежного сбора половины Деревской пятины Василий Григорьев сын Чудов с целовальниками. К обыску привлекались местные жители: попы и дьяки, старосты и целовальники, сотские и пятидесятские, десятские и простые крестьяне. Судя по датам приезда Плещеева и Чудова в погосты, обыск происходил с августа 1572 г. по май 1573 г.

Наряду с выявлением всех пустых селений, пустошей и запустелых обож, с указанием времени и причин запустения следовало также выяснить, не пахнет и не косит ли кто на этих пустошах. Но ни в одном погосте не было обнаружено ни посевов, ни покосов на пустошах. Это не значит, что таких посевов и особенно покосов вовсе не существовало. Но обнаружить их во время обысков не удалось.

Большое значение имеют сведения о размерах, времени и причинах запустения.

В обыске по Островскому погосту Деревской пятины сказано: «А всего в нашем Островском погосте живущего 4 обжи» и 162 $\frac{3}{4}$ обжи «в пусте».²³ Следовательно, запустело 97,6% всех обож. Помимо этого погоста, в книге Деревской пятины нет сведений о «живущих» обжах. Как правило, они отсутствуют и в других обыскных книгах. Поэтому по материалам книг мы узнаем количество пустых обож, но процент их определить не можем. Но в Деревской пятине на протяжении XVI в. число обож по погостам почти не менялось. С небольшой погрешностью поэтому можно принять, что во время обыска 1572—1573 гг. в погостах было всего столько же обож, сколько и в 1500 г. Исходя из этого, мы полагаем, что в среднем по 35 погостам, описание которых в обыскной книге сохранилось полностью, запустение составляло 93,5%. По погостам оно колебалось от 65 (во Влажинском погосте) до 100%. Полностью запустевшими оказались Морозовский и Рамышевский погосты, и обыск там производился с понятными из соседних погостов.²⁴

Точнее можно определить степень запустения по книге Водской пятины, где от 1568—1569 гг. до нас дошла писцовая,²⁵ а от 1571 г. платежная книга.²⁶ Сравнение данных о числе пустых обож в 1573 г. с данными о числе пустых и живущих обож по осуществленным незадолго до того переписям, если оно проведено на строго сопоставимой территории, дает возможность получить процент запустения и установить, насколько интенсивно оно проходило.

²³ Там же, л. 251.

²⁴ Там же, л. 457 и 765. — «Спрашивали в Устволомском погосте про Морозовский погост... В обыске сказали: „весь пуст, не пахнет его, не косит никто“» (там же, л. 457).

²⁵ Там же, Новгород, № 7.

²⁶ Там же, ф. 4209, № 17142.

В качестве примера приведем сохранившиеся в книгах 1568, 1571 и 1573 гг. описания Егорьевского Лопского погоста Ореховского уезда Водской пятины. В 1568 г. в этом погосте были пустыми 11.2% обож, в 1571 г. — 66.2, а в 1573 г. — 90% обож погоста. По этим данным прослеживается нарастание кризиса именно после 1568 г. Степень запустения Егорьевского Лопского погоста соответствует степени запустения всего Ореховского уезда.

Методика сравнения данных по сопоставимой территории позволяет точнее решать вопрос не только о времени возникновения кризиса, но и о его дальнейшем развитии. Применительно к Ореховскому уезду Водской пятины для этой цели можно привлечь писцовые книги 1584—1585 гг.,²⁷ платежные 1586²⁸ и 1588 гг.,²⁹ даточную 1599—1600 гг.,³⁰ платежные 1603³¹ и 1607 гг.³² Там, где мы располагаем таким количеством сопоставимых данных, наши представления о ходе запустения становятся более отчетливыми, облегчается решение спорных вопросов о датировке начала и конца экономического кризиса.

При составлении обыскных книг местные люди сообщали о времени и причинах запустения каждой обжи. Эти сведения нуждаются в критической оценке. В этом мы легко убедимся, обратившись к табл. 1. В ней сгруппированы по годам данные обыскных книг 1573 г. по Деревской пятине и Ореховскому уезду Водской пятины, причем последние сопоставлены с соответствующими данными писцовой книги 1585 г.

Мы видим, что показания двух книг по Ореховскому уезду настолько резко расходятся, что единственное совпадение (по 1551 г.) кажется случайностью. Участники обысков 1573 г., естественно, лучше помнили события 1560—начала 1570-х годов, чем лица, дававшие сведения писцам через 12 лет. Поэтому при датировке начала запустения приходится отдавать предпочтение обыскным книгам. Обращает на себя внимание расхождение итогов табл. 1. На сопоставимой территории Ореховского уезда мы насчитали 2212 обож, запустевших до 1573 г. по обыскной, и всего 1274 обжи по писцовой книге. Это расхождение объясняется главным образом тем, что в 1585 г. люди, дававшие сведения писцам, передвигали на более близкое к ним время массовое запустение, возникшее в действительности в 1569—1572 гг.³³ Точные даты запустения обож, которые обысками и писцовой книгой от-

²⁷ Там же, № 16936.

²⁸ Там же, № 16942.

²⁹ Там же, ф. 137, Новгород, № 41.

³⁰ Там же, ф. 1209, № 16960.

³¹ Там же, № 16964.

³² Там же, № 16662.

³³ В некоторых случаях расхождения в датировке книг 1573 и 1585 гг., возможно, объясняются тем, что обжи, пустые в 1573 г., могли «ожить» ненадолго, а к 1585 г. опять запустеть. Но такие случаи в кризисные 1570-е годы, очевидно, были редки.

Таблица 1

Запустение в Деревской пятине (по обыскной книге 1572—1573 гг.)
и в Ореховском уезде Водской пятинны
(по обыскной книге 1573 г. и писцовой книге 1585 г.)

Годы запустения	Деревская пятина		Ореховский уезд		
	число запу- стевших обож	%	по книге 1573 г.		число запу- стевших обож по кни- ге 1585 г.
			число запу- стевших обож	%	
1500—1550	1536	13.9	234.5	10.6	9
1551	58	6.9	9	6.8	9
1552	284		20.5		—
1553	201		19.5		236.5
1554	143		28.5		—
1555	79		73		111.5
1556	96	4.0	14	4.7	40.5
1557	56		18		—
1558	49		8		89.5
1559	162		34		—
1560	66		29.5		—
1561	114	12.0	5	5.9	33.5
1562	273		10.5		—
1563	281		28		144
1564	376		32		—
1565	280		54		87.5
1566	953	59.5	96.5	46.8	11.5
1567	1106		128.5		39.1
1568	1090		114.5		164.5
1569	1435		291		—
1570	1981		405		129.5
1571	229	3.7	259	25.2	99.5
1572	177		299.5		69
Итого . . .	11025	100	2212	100	1274

носятся к 1500—1568 гг., редко совпадают, но в целом итоги за первые 68 лет века расходятся не очень сильно (957.5 запустевших обож по обыскной книге и 976 по писцовой).

Мы можем также отметить близость процентных отношений запустения Деревской пятинны и Ореховского уезда по пятилетиям за 1551—1565 гг. (см. табл. 1), что говорит в пользу предположения об относительной достоверности этих данных обыскных книг.³⁴

³⁴ Малый процент запустения в Деревской пятине в 1571—1572 гг. объясняется тем, что к 1571 г. дустота уже охватила почти всю пятину. А в Ореховском уезде после 1570 г. запустело относительно много обож.

Что касается данных, характеризующих причины запустения, то и здесь сведения писцовых книг 1580-х годов менее достоверны, чем сведения обыскных книг, поскольку речь идет об обжах, запустевших в начале 1570-х годов и раньше. Писцы переносили на более ранние времена те причины запустения, которые доминировали в последние годы Ливонской войны («от литовской войны», «от немецких войны», от короля, от «свейских немец»). Очевидно, сведения о причинах пустоты, когда речь идет о далеком прошлом, отражают не только и даже не столько реальные причины, сколько представления, сложившиеся на основании событий недавнего прошлого. Вот почему не следует, как это сделал Н. Ф. Яницкий, объединять показания «обыскных людей», данные в разное время, и строить на их основании общие статистические таблицы.³⁵

Показательно, что при обысках 1560-х годов сравнительно часто пустоту объясняли тем, что «земля худа и описью дорога», т. е. ссылались на местные условия ведения хозяйства и обложения, тогда как в 1570-е годы эта формула становится редкой. Местные люди стали объяснять пустоту не тем, что крестьяне ушли туда, где земля была лучше и не так «дорога описью», а общей тягостью государева обложения, а также мором, неурожаями и голодом. При этом в большинстве случаев приводится не одна, а несколько причин.

В Деревской пятине, согласно обыскной книге 1573 г., чаще всего обжи пустели «от государевых податей» (5696 случаев), «от голоду» (2727), «от мору» (2399), «от дорог» (1350), «от опричнины» (1473). Очень часто была ссылка на «худобу». Но это не самостоятельная причина, а следствие других причин.

Интересно, что все случаи запустения от опричнины зафиксированы в южных и западных погостах, описанных Василием Чудовым. А в северных и восточных погостах, описанных Григорием Плещеевым, вовсе не упоминается запустение от опричнины, хотя эти погосты особенно пострадали во время похода 1570 г. Отсутствие записей о бесчинствах опричников как раз там, где они были наиболее жестокими, заставляет предположить, что здесь особенно боялись говорить правду. Напомним, что в годы опричнины (1566—1572 гг.) в Деревской пятине стали пустыми 60% всех запустевших обож, а в одном 1570 г. их запустело около 2000. Таким образом, у нас есть основания полагать, что из страха жители преуменьшали степень влияния опричнины на возникновение кризиса.

Известно, что из новгородских пятин в опричную территорию вошли Бежецкая и Обонежская. Деревская пятина оставалась в земщине. Наша обыскная книга вносит уточнения в этот вопрос. По данным обыска, три южных погоста Деревской пятины (Березовец, Стерж и Ясеновичи) и, возможно, два самых южных

³⁵ Яницкий Н. Ф. Экономический кризис..., с. 102—104.

(Буец и Лопастыцы) были отделены в опричнину и вошли в состав Селижаровского (опричного) стана Ржевской округи. По данным обыскной книги, помещики-опричники из этих опричных погостов совершали наезды на соседние погосты (не опричные — Жабны, Молвятицы и др.), грабили и жгли селения, а жителей «со всеми животы» увозили к себе. В одном Молвятицком погосте от этого пострадало 50 селений и запустело 78 обеж.³⁶ К опричным погостам отписывались от соседних погостов селения и обжи: от Полоновского погоста — 93 обжи, от Жабенского — 179 обеж.³⁷ На севере Деревской пятины были взяты в опричнину селогост Холынь и село Валдай; к ним тоже был приписан ряд селений.³⁸ В обыскной книге неоднократно называются опричные погосты (волости) Старорусского уезда Шелонской пятины (Ефремовский, Коломенский, Околорусье), откуда совершались набеги на погосты Деревской пятины, лежавшие по правому берегу Ловати.

В обыскной книге Деревской пятины содержатся интересные данные о двух новгородских городах — Холме и Курске, — тем более ценные, что об этих городах почти ничего не известно, кроме названия и местоположения.³⁹

Курский городок описан вместе с погостами, входившими в Курский уезд (присуд), — Курским, Черенчицким, Устьянским, Рамышевским и Налючским. В обыске участвовали выборный Курского городка Андрей Карпов сын, два целовальника и 8 человек посадских людей.⁴⁰

Из табл. 2 видно, что до 1540 г. в Курском городке было 76 тяглых дворов; кроме того, были дворы церковников и служилых людей. Это довольно крупное по тому времени поселение.

В отличие от описания Курского городка описание города Холма является вставкой в обыскную книгу.⁴¹

³⁶ ЦГАДА, ф. 137, № 117, л. 362—385.

³⁷ Там же, л. 726—730, 329—338.

³⁸ Там же, л. 467, 473. — О селе Валдай говорит Дозорная книга Деревской пятины 1595 г. (там же, ф. 1209, № 974). К селу Валдай было придано 28 пустых селений Еглинского погоста (л. 104—105 об.).

³⁹ В летописном перечне городов (Новгородская I летопись. М.—Л., 1950, с. 477) стоит Курск («Кур на Ловати»). Оба города упоминаются («Курск и Холмовский погост») в договоре Великого Новгорода с Казимиром IV в 1470 г. (ГВНП, М.—Л., 1949, с. 130—131). Книга Большому Чертежу (1950, с. 155) указывает оба города на р. Ловати и дает их расстояние до Новгорода. В новгородских писцовых книгах конца XV в. описываются Курский присуд (уезд) и Холмский погост. Но описание самого Курска утеряно, а в Холмском погосте упоминается погост-селение Холм с 17 дворами (НПК, II, с. 826). Почти ничего не говорится об этих городах и в исторической литературе, в том числе в известных работах Н. Д. Чечулина, А. Г. Ильинского, А. И. Никитского, К. А. Неволна, А. М. Гневушева, В. Н. Бернадского, А. А. Зимина. В «Очерках смуты» С. Ф. Платонова сказано лишь, что в связи с укреплением литовских рубежей принимались меры по усилению ряда опорных пунктов, в том числе и в Холме на Ловати (СПб., 1899, с. 70).

⁴⁰ ЦГАДА, ф. 137, № 117, л. 734—738.

⁴¹ Там же, л. 267—278 об.

Т а б л и ц а 2
Пустые и жилые дворы в Курском городке 1573 г.

Время запустения	Жилые дворы	Пустые		Причины запустения (словами источника)
		дворы	дворища	
1540	—	—	27	Сгорели в пожар. От голоду; люди померли, а иные разошлись безвестно.
1559	—	10	—	
1568	—	7	—	Жильцы съехали в опричную Околорусскую Коломенскую волость безвыходно. Запустели в государев поход в лето 7078 от государевых ратных людей, от голоду.
1570	—	16	—	
1570	—	—	5	Дворы сожгли в государев поход ратные люди.
—	11	—	—	
Всего . . .	11	33	32	

На л. 267 сказано: «Лета 7083 марта в 8 день... приезжал в город Холм Третьяк Григорьев сын Репьев на посад, переписывал дворы жилые тяглые на посаде, взял с собой...» никольского и козмодемьянского попов, сотского, 6 целовальников, пятидесятского, трех десятских да «посадских людей добрых» (названо 37 человек) и всех холмских посадских людей. Далее, на л. 271 читаем: «Да в Холму же городе на посаде переписал Третьяк... Репьев черные тяглые пустые дворы и пожарные места». Опись города Холма содержала и жилые, и пустые дворы; производилась она позднее обыска (в 1575 г.) и другим лицом.

Судя по описанию, город Холм был расположен по обе стороны р. Ловати. На правом берегу были городище (не описано) и посад из двух частей: Токеловой Горы и Спасской стороны. На левом берегу лежали Никольская и Клинская стороны. В городе имелись четыре церкви: Козмодемьянская и Спасская на правом берегу и Никольская и Троицкая на левом. «Да в Холме же около посада пашенные земли 12 обож вышли из льготы в 82 году».

В городе Холм насчитывалось 457 тяглых дворов, полудворов и мест дворовых, а если два полудвора считать за двор, то 397. Числом дворов, а тем более жилых, Холм превосходил большинство новгородских городов того времени, уступая лишь Великому Новгороду и Старой Руссе (табл. 3).

Таблица 3
Жилые и пустые дворы в городе Холм в 1575 г.

Районы посада	Жилые		Пустые		
	дворы	полу- дворы	дворы	полу- дворы	дворовые места
На правом берегу:					
Токеловая гора	16	10	58	21	44
Спасская сторона	11	8	36	19	5
На левом берегу:					
Никольская сторона	37	11	75	29	3
Клинская сторона	16	15	34	8	1
Итого	80	44	203	77	53

В описи нет самого «города-крепости» и белых (нетяглых) дворов церковников, приказных и военных.

Холм стоял на очень важном месте. Он входил в число городов-крепостей на литовском рубеже. Через Холм проходил древнейший и важнейший речной путь по Ловати, и в нем пересекался ряд сухопутных дорог. Недаром среди причин запустения указываются дороги: «ставились подводы под государевых посланников на шесть дорог» (по шести направлениям). Судя по размерам посада, Холм был значительным торгово-промышленным центром, обслуживавшим большой сельский район.

Но к 1575 г. кругом почти все заустело. На три четверти опустел и город Холм. Главное запустение города падает на 1567—1570 гг. Причины этого — государевы подати, мор, голод, дороги. Много дворов погорело, особенно во время пожаров 1567 и 1569 гг. Часть дворов снесла р. Ловать. Из 53 дворовых мест около 20 заустело от пожаров (все сгорело до тла); остальные, видимо, заустели раньше, и причины их запустения не указаны.

Из 122 владельцев жилых дворов к разряду «добрых» принадлежали 37 участников обыска и, вероятно, все или большинство должностных лиц, т. е. не менее 45—50 лиц, или более трети всех уцелевших дворохозяев. Видимо, «добрые» люди с более крепким хозяйством лучше переживали трудности своего времени. Но и среди «добрых» некоторые, судя по описи, владели в 1575 г. полудворами.

Как жили уцелевшие дворы? Если раньше доходы от пашни и покосов были лишь вспомогательным средством существования горожан, то в годы кризиса, по-видимому, земля стала основным источником их существования. К городу было официально приписано 12 обож пашенной земли, т. е. около 125—140 десятин пашни в трех полях, не считая покосов и не упоминаемой

в книге, но, вероятно, существовавшей здесь, как и в других местах, пашни «наездом».

Можно с уверенностью сказать, что обыскные книги позволят решить и многие другие исторические вопросы.

Ю. А. ЛИМОНОВ

**«ЗАПИСКИ О МОСКОВСКОЙ ВОЙНЕ»
РЕЙНГОЛЬДА ГЕЙДЕНШТЕЙНА
И РУССКИЕ ЛЕТОПИСИ**

Перу Рейнгольда Гейденштейна, известного польского историка и дипломата второй половины XVI в., принадлежит несколько трудов.¹ Наиболее интересной работой является история войны Стефана Батория с Москвией. Книга, вышедшая в 1584 г. (или в 1585 г.), принесла ему известность. Она носит следующее название: «De bello Moscovitico Commentariorum libri sex». В русском переводе книга получила заглавие «Записки о Московской войне». Эта работа вошла как составная часть в другое сочинение Гейденштейна — «Regum Polonicarum ab excessu Sigismundi Augusti libri XII», — опубликованное только в 1672 г.

Исключительная ценность труда Гейденштейна заключается в том, что как королевский секретарь он мог пользоваться материалами личной канцелярии короля, как приближенный Яна Замойского — архивом канцлера. Ему были известны репортажи с поля боя во время русско-польской войны, он мог также получать любые сведения от непосредственных участников сражений. Его книга содержит значительные экскурсы в русскую историю с древнейших времен до середины XVI в. Она представляет большой интерес для изучения истории России за рубежом, ибо основана на русских источниках, летописях, на которые ссылается сам автор. Выяснение этих источников даст возможность определить тот комплекс материалов, который был введен в научный оборот Гейденштейном, а через него и в европейскую историографию, так как его трудом много и охотно пользовались западные историки, например знаменитый французский историк Жак де Ту. Тем более что вопрос о русских источниках «Записок» Гейденштейна не ставился ни в польской, ни в советской историографии.

В России «Записки о Московской войне» были изданы А. Старчевским в собрании сочинений иностранных писателей

¹ Polski Słownik Biograficzny, t. IX/3, zeszyt 42. Wrocław—Warszawa—Kraków, 1961, s. 342—344. — О трудах Гейденштейна и историографии (отметим, весьма незначительной) см.: Bibliografia Literatury Polskiej. Nowy Korbut, t. 2. Warszawa, 1964, s. 253.